

~~сестры с друзьями~~

Вера
Коложкова

Привычка
жить

Вера Колочкова
Привычка жить

«Центрполиграф»

2008

Колочкова В. А.

Привычка жить / В. А. Колочкова — «Центрполиграф», 2008

Как раз под Новый год Евгению настиг поистине гамлетовский вопрос: продавать шубу или нет? С одной стороны, уж больно хорошая вещь, а с другой – спонсировать одинокую женщину с двумя детьми бывший муж, судя по размеру алиментов, не собирался. Разве что новоявленный поклонник... И с чего, скажите пожалуйста, ему так приспичило разделить с Женей ее безрадостную, словно у искусственного растения, жизнь? Сделка купли-продажи состоялась, а за ней последовали странные и пугающие события, которые доказали Жене, что необходимо настоящее мужество для того, чтобы впустить в свою жизнь долгожданное чудо...

© Колочкова В. А., 2008

© Центрполиграф, 2008

Вера Александровна Колочкова

Привычка жить

Роман

Продавать шубу или не продавать? Вопрос, конечно, интересный. Можно сказать, шекспировский даже. Правда, гордый принц Гамлет такими заурядно-бытовыми вопросами и не задавался вовсе, тем не менее... А если уж совсем по совести, то ему-то, гордому принцу Гамлету, как раз намного легче было, – не надо было думать ежечасно, где бы себе денюжат добыть на хлеб с мясом да на всякое остальное средневековое пропитание. Вот и мучился своим философским «быть или не быть». Сытому-то можно и помучиться, отчего ж нет. Тем более когда двое детей-школьников твою шею вниз не тянут и не надо их кормить три раза в день завтраком, обедом да ужином... А вот если они в твоей жизни все-таки присутствуют, эти юные проглоты со своими растущими организмами, тогда что? Одно тогда остается – смотреть на свою шубу любимую и мучиться неразрешимым вопросом – продавать, не продавать? Продавать – убей как жалко! Вся зима еще впереди. Больше уж никогда такую не купить. Но где она еще денег возьмет? Скоро Новый год, детские подарки, наряды, каникулы... Вот интересно, какой умник придумал праздновать эту ночь, самую, по сути, заурядную, холодную и зимнюю? Кому такая жестокость в голову могла прийти? Нет, оно, конечно, красиво все придумано, кто ж спорит... И сказка, и чудеса, и прочие блески да всплески романтические. А если, например, человек совсем одинок? Вместо чудес и сказок – плевков ему в душу? Или, например, у человека этого возможности нет взять и бешено на эту новогоднюю романтику потратиться? Наверное, кошелек у этого новогоднего умника-придумщика слишком толстый был, хорошо ему. А остальным что делать прикажете? Тем, у кого денег на все эти подарочно-съестные вакханалии просто нет и в ближайшем будущем не предвидится? Как им, этим остальным, выплывать из суетливого предновогоднего времени? Против течения грести? А толку? Все равно не услышат, не поймут, а тем более дети. Хоть как ты им объясняй, что день этот да ночь – обыкновенные сутки прочь. Не поймут и не примут. Потому что с малолетства приучены и к елке под потолок, и к дорогим подаркам, и к стандартно-заказному приходу подвыпившего мужика с ватной бородой под руку с наглой девицей в бело-блестящих одеждах и с килограммом косметики на лице. Сейчас, правда, можно уже и без елки обойтись, и без Деда Мороза со Снегурочкой, но от остальной растратной суеты все равно никуда не денешься. Привычка – она же вторая натура. Так что последнюю одежду ты, мать, с себя сними, а праздник детям обеспечить. Им, детям, как говорится, мороженое, а баба и без цветов обойдется...

Женя вздохнула горестно, еще раз провела рукой по нежному норковому ворсу, потом решительно захлопнула дверцу платяного шкафа. Подойдя к окну, задумчиво уставилась на серо-снежную улицу – солнца нет, машин немного, редкие прохожие на притоптанных тротуарах. Вот она – тусклая сонливость позднего декабрьского субботнего утра – как раз под ее настроение. Черт, а шубу и впрямь жалко. Но она подумает еще. Мало ли что может случиться за оставшиеся до праздников две недели? А вдруг на нее деньги какие-нибудь возьмут да и свалятся? А что, бывает же. Может, на бывшего супруга совесть отцовская снизойдет и устыдится он суммы копеечных своих официальных алиментов? Хотя это вряд ли... Некогда ему нынче совестью устыжаться, он новую жизнь затеял. Как сказал – настоящую. С ней, с Женей, значит, ненастоящая была, а теперь у него настоящая началась. Недавно видела его – похудел, спина прямая, глаза горят. Не мужик – орел воспаривший! Уже два года прошло, как парит и парит себе в лазоревом небе, все купается и купается в новых высоких отношениях. А она тут, на сырой земле, ползает жалкой ящеркой, вся в трудах и заботах тяжких, и никакого тебе парения, и ничего такого нового и высокого у нее на горизонте не высветилось, кроме долгой

и холодной зимы в старом пуховике. Да, именно в нем, постылом и старом, потому как никуда не денешься, придется-таки отдавать любимую шубу на заклятие проклятущего растратного праздника.

Вообще, раньше, в той еще жизни, у нее было две шубы. Одна дорогая, а другая очень дорогая. Ту, очень дорогую, она продала сразу после коварного супружеского предательства. В первый же месяц, как осталась без стабильного мужниного дохода и пребывала в некоей наивной растерянности – чего ж это, мол, такое нехорошее со мной происходит... Деньги тогда ушли так моментально, что она испугалась уже по-настоящему. И наивность всю как рукой сняло. Поднатужилась, встряхнулась, стала обустраиваться в новой жизни. Только плохо, видно, обустраивалась, раз очередь и до второй шубы дошла. Вот этой. Любимой. Жалко, ох как жалко...

Но все равно – не вечер еще! Продать легко, эту операцию за десять минут произвести можно. Вон, только до соседки Оксанки дойти и договориться о своем появлении у нее в гостях в нужное время. Уж она устроит ей эту продажу в ближайший же вечер, как только к ней очередной Магомет или Автандил по своим потребностям на огонек заглянут. В свою же пользу и устроит. У нее этот спектакль купли-продажи так отрепетирован, что сам Станиславский вместе с Немировичем-Данченко обзавидовались бы, если б хоть раз на него глянули. В этот спектакль уже и дорожее вечернее Женино платье провалилось, и колечко с бриллиантом, и сережки... А больше у нее ничего стоящего, что могло бы Оксанку заинтересовать, и не осталось. Только шуба. Оксанка как раз третьего дня, встретив ее в лифте, намекнула, что шубку она у нее тоже как-нибудь бы прикупила. Конечно бы прикупила! Такую шубку хоть кто прикупит – тем более за полцены...

Снова вздохнув, Женя отошла от окна, продолжила свое прерванное занятие – субботнюю уборку квартиры никто пока для нее не отменял. Тем более и поторопиться с этой уборкой уже пора было. Скоро Максимка придет с тренировки, уставший и голодный, а у нее и обеда нет. А потом и Катьку надо измудриться едой горячей накормить, когда вернется она от своего английского репетитора. Хоть силой впихнуть, а надо. Если это дело проворонить, так целый день голодать и будет, до сине-обморочного состояния себя доведет в два счета. Фигуру она к Новому году блюдет, видишь ли. Жирного не ест, мучного не ест. И даже от сладкого героически нос воротит. Пятнадцать лет девчонке – а уже у нас озабоченность фигурная наружу выскочила, куда с добром! Черт бы побрал этот Новый год, как с рельсов все съехали, ей-богу! День как день.

Чего ради него себя голодом морить? Хотя и она, бывало, в те, беззаботные свои времена к этому празднику готовилась, худела да о нарядах думала. И настроение всегда было такое... летящее. Вот же идиотка! Лучше бы копеечку на черный день втихомолку ныкала, чем полетами этими увлекаться! Вот он, черный день, пришел, и что? Ни копейки за душой нет. А без нее, без родименькой, какие такие полеты могут быть? Прижми крылышки да сиди, как курица на насесте. Да уж, была жизнь, и не стало жизни... Хотя в прошлое свое лучше даже и в мыслях не возвращаться, она это давно уже поняла. Пусть плохонькое, но пусть будет настоящее. Так что хватит ныть... И на Катьку ворчать тоже хватит. Она ж девчонка, ей праздника хочется, чуда хочется... Вдруг это чудо в Новый год случится, а у нее лишние килограммы наружу вылезут? Или прыщи какие, не дай бог? В ее возрасте – это уже катастрофа! Человек, понимаете ли, чуда ждет, а вам тут прыщи с килограммами...

Усмехнувшись, Женя отжала тряпку, огляделась придирчиво. Вот и все вроде. Порядок везде. Только пыль с книжных полок еще убрать... Ах да, чуть про аукубу не забыла! Ее ж тоже освежить надо. Все время она про нее забывает, про бедную свою сиротинушку... Она, конечно, не просит ничего, стоит себе послушно, всем довольная. Хорошо ей – ничего ее не волнует, ни дети, ни хлеб насущный. Потому что она – аукуба. Большое декоративное искусственное растение в красивом расписном горшке, абсолютно нагло прикидывающееся нату-

ральным и потому обреченное на вечнозеленую жизнь в доме. Сейчас, погоди, и до тебя доберемся... Вот, каждый лист мягкой тряпочкой протрем, чтоб свежим золотым вкраплением в глаза плеснуло, будто по-настоящему...

Синтетическое растение это прижилось у них в доме основательно, еще с тех времен, когда здесь бабушка Женина хозяйничала. А потом бабушка умерла, а дерево осталось, перешло в наследство к Жене вместе с бабушкиной квартирой. А может, это кустарник такой был. И ничего ему не делалось с годами, хоть и было оно трепано порядочно народившимися потом на свет Катькой и Максимкой. Видно, знатным мастером своего дела это вечнозеленое творение было создано, потому что умудрялось всегда выглядеть так, что никто из чужих в дом входящих ни разу не заподозрил его в явной фальшивости – вольно вытянутые тонкие кожистые листья удачно обманывали глаз, трепетали грациозно от любого человеческого по комнате движения, отражая свет яркими золотыми искра ми-вкраплениями. Красиво. Очень красиво. И все будто по-настоящему. Иногда Жене казалось, что оно и впрямь живое, это растение, под нежным названием аукуба японская. В народе зовется – золотое дерево. А по их, по-семейному, просто куба. Говорят, приносит в дом богатство и счастье. И правда – приносило когда-то. Насчет большого богатства – вопрос спорный, конечно, но достаток у них в семействе точно был. И счастье, как Жене казалось, тоже было. А что? Все было хорошо у них, спокойно. Ни скандалов тебе семейных, ни ревности или подозрений оскорбительных, ни других каких нехороших обстоятельств. Жили себе, детей двоих растили... Муж ее, Игорь Михайлович Ковалев, имел небольшой, но довольно стабильный торговый бизнес, на доход от которого можно было жить, как говорит ее подруга Ася, по принципу «сначала глаз на продукт, потом на ценник». Хороший такой принцип, достойный и справедливый. А вот когда у тебя глаз сначала на ценнике испуганно застывает, а потом уж позволяет себе, в зависимости от цифры на ценнике, и на сам продукт опуститься, тут уж все, пиши пропало. Это значит, ты уже по другому принципу живешь, по бедному и несправедливому. Что подешевле да похуже, то и твое. И привыкать к этому новому принципу очень тяжело. Особенно после пятнадцати лет благополучного замужества, когда уже и подвоха никакого не чуешь, и собираешься жить и жить так дальше, до самой старости. А оно тебе раз – и начинай все сначала. Садись за парту и учись. Жаль только, не учат нигде, как плавно перейти из хорошей жизни в плохую. Без вреда для нервной системы и всего организма в целом. Оно, конечно, можно и самостоятельно эту науку освоить, но не так же быстро... Вот у нее, у Жени Ковалевой, например, два года такой учебы на полную двойку прошли. Пока из первого шока мужниного скоропалительного предательства выходила, пока работу искала, пока вспоминала потом лихорадочно, чему ее в экономическом заочном институте учили – полгода как корова языком слизнула. И сейчас еще не всем организмом она в эту новую жизнь вошла. Организм натянут пока на новую жизнь, как струна на скрипку. Одно неверное движение – и такая грустно-истерическая нервная какофония выходит, что хоть беги. Только куда бежать-то? Бежать ей некуда. Надо жить, надо работать, надо исполнять свои материнские обязанности...

Работу она, правда, с перепугу довольно быстро себе нашла. А может, и плохо, что быстро. Надо было все-таки не торопиться, посмотреть, подумать, все взвесить... Но кто ж знал, что на этой фирме такие зарплатные катаклизмы время от времени случаются? В пятницу собрал всех шеф у себя в кабинете и объявил, что надо бы всем как-то выкрутиться и «подтянуть пояс» – денег, мол, к Новому году на зарплату не будет совсем. У фирмы неприятности, счета временно арестованы и все такое... Нет, он приличный довольно-таки дядька, их начальник, и очень даже искренне извинялся за доставленные коллективу неудобства, но легче от этого никому не стало. Вышли с понурыми лицами, разбрелись по кабинетам. И враз тишина навалилась – даже телефоны все смолкли, будто устыдились в горе людей беспокоить. И правильно. И не надо. Когда человек думает, как ему выкрутиться и как потуже пояс подтянуть, ему и не до работы совсем... Вообще, коллектив на фирме хороший был, дружный. А это

очень даже неплохо, когда можно две вещи совмещать – и деньги зарабатывать, и дружбу дружить. Это дорогого стоит, между прочим. Ради этого можно и зарплатные неудобства иногда перетерпеть. Если б они только не предновогодние были, неудобства эти... Вот же проклятый праздник, оторвать бы голову тому, кто его выдумал! Ну как его без денег-то праздновать? Но ничего, ничего, еще не вечер...

В который раз успокоив себя этим «еще не вечером», Женя быстро сварила суп-рассольник и нажарила полную сковородку котлет, изо всех сил постаравшись придать этим странным и неизвестно из чего сделанным дешевым колобкам видимость и впрямь настоящего гастрономического продукта: добавила в сковородку и рубленой зелени, и чесночку, и тертой морковки, и приправ всяких. Ничего, съедят. Максимка, когда с тренировки домой возвращается, вообще мечет все подряд, а для Катки у нее немного творогу припасено, если она от навязанной матерью обеды калорийности откажется. Хотя какая уж тут калорийность – название одно. А вот и звонок дверной как раз ко времени. Газ – выключить, руки – сполоснуть, и бегом в прихожую – голодный сын пришел.

– Мам, как вкусно пахнет... – повел носом Максимка, едва ступив в прихожую и сбросив с плеча огромную черную сумку с хоккейной амуницией. – Это чем? Чесноком, да? А что у нас с чесноком?

– Котлеты, сынок.

– А просто так мяса нет? Чтоб не котлетой, а куском?

– Нет. Куском нет. Да какая разница, сынок? – нарочито-беспечно махнула рукой Женя, поспешив ретироваться от опасных сыновних вопросов обратно на кухню. – Раздевайся быстрее и мой руки – обедать будем.

– Ага, иду... – покладисто согласился Максим, шмыгнув с мороза носом. Вскоре появившись на кухне, рухнул на свое любимое место на твердом диванчике, одновременно потянувшись рукой за хлебом и кося глаз в тарелку с супом. Потом принялся молча и с аппетитом есть, уйдя в процесс физиологического насыщения полностью. Женя села напротив сына, подперев щеку рукой, стала смотреть, как он ест – совсем уже по-мужицки. Чувство вины за худосочные перловые калории пустого супа-рассольника зашевелилось внутри, норовя тут же перерасти в жалостливую внутреннюю истерику, но она сумела наступить ему на горло. Вот еще – нежности какие. Нельзя, нельзя теперь ей этого. Нормальная еда – суп-рассольник. Сейчас еще и котлеты какие-никакие будут. А потом – чай с печеньем. А можно и с брусничным вареньем. А что? Брусничное варенье – оно такое. Его можно вместо витаминов в рацион назначить. Анна Ивановна нынче много брусники наготовила и с ней щедро поделилась. Хорошая она, Анна Ивановна... О! А кстати! Можно же и у нее денег на Новый год попросить! Тем более что они у нее в последнее время очень даже хорошо водятся. Не совсем так, конечно, чтоб куры дачные их не клевали, но все же...

Анна Ивановна была бабушкиной подружкой. Еще в бытность свою далеко не пенсионерскую она приобрела домик в деревне – собиралась прожить остаток жизни в здоровой сытости, на продуктах, добытых в натуральном хозяйстве, потому что женщиной была разумной и на покупательскую способность государственного пенсионного обеспечения легкомысленно не надеялась. Прикармливалась потом от этого натурального хозяйства и Женина бабушка, пока не умерла. А потом и Женю Анна Ивановна все пыталась «поддержать» то гусятиной мороженой, то овощем беспестицидным, то всякими соленьями. Но Анне Ивановне пришлось-таки свернуть свое деревенское хозяйство по причине – смех сказать – вступления на хлипкую стезю шоу-бизнеса. Да, смешно звучит, конечно, но случился в жизни восьмидесятилетней старушечки такой вот парадокс...

Приехал как-то в их деревню молодой парень на черной иномарке, огляделся, пошел по дворам в поисках неизвестно чего. То есть он-то, конечно, сразу знал, что ему надо, а деревенским и невдомек было, зачем это парень старух собирает да песни петь просит. Все пона-

чалу решили, что он из тех, которые раньше по деревням всяческий фольклор для науки лингвистической выискивали. Ну и старались от души, память свою старую напрягали, чтоб по полной программе этот фольклор ему выдать. Исподтишка радовались даже – неужто время вспять повернулось? Потому как если такие парни на дорогах машинах фольклором да диалектом заинтересовались, точно вспять время пошло! В прежние времена много таких ценителей по деревням рыскало... А потом оказалось – нет. Никуда время и не думало поворачивать. Просто парень умный оказался. Можно сказать, талантливый. Собрал потихоньку маленький хор из четырех старушек, которые попрямее, покрепче да пофактурнее, обрядил их в русские сарафаны с кокошниками да научил петь деревенскими частушечными голосами современные песни, которые молодежь поет. Смешно получилось. И не столько смешно, сколько до безобразия креативно. До полного то есть безобразия. Как раз до такого, которое публику и притягивает. Сначала публика обалдевает от громко-дребезжащего старушечьего «...я сошла с ума, мне нужна она...», потом в истерике заходится, а потом рукоплещет как сумасшедшая. И требует еще. И получает очередную порцию старательного выведенного «...мой мармяладной, я не права-а-а...».

Попала в этот странный коллектив и Анна Ивановна. Под чутким руководством новоявленного «продюсера» Аркаши исколесили старушки сначала всю область, а потом и на межобластной гастрольный уровень выскочили. Особенный успех они имели на корпоративных богатеньких вечеринках – народ изгалялся вовсю, заходясь диким смехом и одновременно подпевая «мармяладному» и «джаге-джаге». Аркаша тоже во время их выступлений в стороне не оставался – старательно входил в образ паренька деревенского. То есть торжественно тупел-застывал лицом и, сидя перед своим народным хором на стульчике, наяривал на гармошке, давая музыкальное сопровождение. А им, старушкам, строгий наказ дал – не смей даже и улыбнуться легкомысленно во время их песенно-современной вакханалии. Должны были петь так, будто гимн страны торжественно исполняют. Иль впрямь что-то народное. «Из-за острова на стрежень», например. Аркаша за этим очень строго следил. За торжественностью и серьезностью этой. И на репетициях повторял неоднократно, что вся изюминка в этом и есть. То есть фишка. Женя и сама со смеху покатывалась, когда Анна Ивановна ей про эту самую «фишку» по телефону толковала. А потом даже и на концерт выбралась. Послушала, повеселилась и поняла: и впрямь талантливый этот народный продюсер Аркаша. Вот уж воистину – не знаешь, где эту самую фишку найдешь, где потеряешь. Многие в поисках ее годами бьются, а тут вот она, на поверхности лежит и часа своего ждет не дождетя...

В общем, была Анна Ивановна, как говорится, нынче при деньгах. Правда, как Женя подозревала, Аркаша со своими старушками не поровну заработками делился, и тем не менее... Выложив на тарелку картофельное пюре с суррогатно-красивыми котлетами и набухав заодно в большую кружку чая щедрюю порцию брусничного варенья, она выставила все это хозяйство перед Максимкой и пошла искать телефон Наташи, единственной и любимой внучки Анны Ивановны. Надо ж было узнать, когда прибудет с очередных гастролей ее драгоценная шоу-бабушка...

Трубку на том конце провода долго никто не брал. Женя слушала льющиеся в ухо занудные одинаковые гудки, терпеливо ждала, когда Наташа соизволит наконец дотянуться до трубки. Соизволить она точно должна была, потому что никто и никогда не смог бы заставить внучку Анны Ивановны покинуть дом и убежать по делам именно в субботнее утро. Потому что это время было святым и особенным, то есть отведенным для долгого двенадцатичасового сна, совершенно необходимого, как утверждала сама Наташа, перешедшему на зимний режим женскому организму. Этого субботнего утра Наташа ждала всю неделю, предвкушала его страстно и вожделенно и даже, чтоб продлить себе сонное удовольствие, заводила будильник на ранние семь часов, чтоб, по звонку проснувшись, показать будильнику жирную фигуру в ответ на его требовательный призыв к вставанию и с полным душевным удовлетворением

нажать на кнопку отбоя. И, перевернувшись на другой бок, снова провалиться в сладкий зимний сон до обеда. Женя даже завидовала ей иногда – вот она никогда не сумела бы проспать так долго. Нет, проваляться просто так в постели она бы могла, конечно, но чтоб спать как убитая... Время-то – первый час уже! Голова ж болеть будет!

– Але... – прохрипел наконец в трубке каприз но-убитый Наташин голосок, в котором явственно слышались нотки смиренности перед уплывшим уже удовольствием. Жди его теперь целую неделю...

– Наташ, первый час уже! Хватит дрыхнуть-то! Все на свете проспидишь! – бодренько провозгласила в трубку Женя. – Вставай! А то рожа опухнет!

– Ой, да пусть себе пухнет на здоровье, – зевнула тяжело Наташа и пискнула чуть-чуть, видимо потянувшись. – Как опухнет, так и обратно спадет. Нам красота без надобности, нам здоровье дороже...

– Ой, так уж и без надобности? От кого я такие речи слышу? – усомнилась Женя, слегка хихикнув. Потому что красоту свою Наташа явно не на последнее место ставила. Может, даже и более ею была озабочена, чем здоровьем. Озаботишься тут, когда природа отнеслась к ее лицу, можно сказать, обидно-наплевательски и не одарила ничем особенным – так себе, круглое курносое личико с бровками-глазками да маленьким капризным ртом. Про такой рот в народе говорят – ложка не пролазит. Вот и приходилось измудряться и придумывать себе то цвет лица совершенно особенный, то стрижку модно-стильную, то макияж из последних модных журналов...

– Ладно. Чего хотела-то? – грубовато отреагировала на ее смешок Наташа. – Я ж тебя знаю, ты просто так не позвонишь, чтоб за жизнь потрепаться.

– Ну почему? Могу и просто так... Вот в другой раз позвоню тебе в субботу часиков в восемь утра и начну про жизнь трепаться. Как тебе такой вариант?

– Ага, попробуй только...

– Наташ, а где нынче у нас Анна Ивановна? Нету ее дома?

– Ой, ну ты скажешь тоже! Ее и в обычные-то дни редко застанешь, а ты захотела перед праздниками... Бог с тобой, Жень...

– А где она? Далеко уехала? И когда будет?

– Да нет, в принципе недалеко, конечно. Все по области нынче их Аркаша возит. Но зато время гастрольное расписано – невпротык. Некогда ей даже домой толком заскочить. Как звезда теперь наша бабка настоящая – все по гостиницам живет. А зачем она тебе?

– Да денег хотела занять...

– О-о-о, с этим ты даже к ней и не суйся, дорогая. Бабушкин кошелек я вперед тебя успела арендовать, она сейчас впрок на мою операцию пашет.

– На какую операцию? – испуганно переспросила Женя. – Ты что, больна? А что с тобой, Наташ?

– Да типун тебе на язык – больна! Ничего я не больна! Просто хочу пластику себе сделать...

– Какую пластику?

– Ой, Женька! Ну ты прям как неграмотная совсем! Рожа себе поправить хочу! Нос выпрямить, лицо подтянуть... Пора уже! А то знаешь, мой тоже, того и гляди, к молодухе какой свалит, как Игорь твой. Как он, кстати? Возвращаться не надумал?

– Да нормально... – уныло ответила Женя, сморщив нос. Вовсе ей не хотелось обсуждать свою разрушенную семейную жизнь с Наташкой – не для того она ей звонила. Она даже с близкими подругами свое нынешнее положение брошенной жены особенно не обсуждала, боясь всплесков обидного праздно-жалостливого любопытства, а тут – с Наташкой...

– Ну вот скажи, Жень, что за времена такие пошли, а? – не почуяв недовольства в ее голосе, вдохновенно продолжила Наташа. – Как будто на войне какой живем! А мужики – будто военные трофеи наши. То одна себе трофеей захватит, то другая... Ты хоть видела ее, ту бабу?

– Зачем мне ее видеть? Не хочу я никого видеть...

– Ну и дура! Врага надо знать в лицо! А ты сразу сдалась, белый флаг подняла... Вот я, например, до последнего за своего придурка буду биться! Он мне вчера, представляешь, что заявил?

– Что? – безнадежно опустив плечи и возведя глаза к потолку, спросила Женя.

– А то, что он в Новый год собрался на рыбалку ехать. В чисто мужской компании. А меня вроде как одну к родителям спровадить. Скажи, ну не придурок он после этого, а? Кто ж ему поверит-то? Тоже, скрытый маневр решил провести – все белыми нитками по черному сшил... Ясно же, что к бабе какой-то на праздник свалить захотел! А я ему – фиг тебе! Семейный праздник, и все тут! Нет, точно у него какая-то бабенка завелась... Везде глаз да глаз нужен...

– Ну ничего, Наташ. Все обойдется, не переживай. Вот наведешь свою пластическую красоту, и все будет хорошо, – попыталась свернуть неприятный разговор на оптимистической ноте Женя. – Ты извини, у меня тут дела...

– Жень, а зачем тебе деньги-то? Для чего ты у бабушки попросить хотела?

– Тоже операцию сделать хочу! Пластическую! – в отчаянии брякнула Женя, начиная ощущать внутри себя зародившееся раздражение.

– Иди ты! – простодушно удивилась Наташа. – А чего ты хочешь исправить?

– Глаза на лоб натянуть и улыбку до ушей разрезать. Как у Гуинплена.

– А кто это? Я такого мужика не знаю... Он кто? Из певцов? Или из артистов?

– Ладно, Наташ. Пока. Ты прости, не могу больше говорить. Катка вон пришла, кормить ее надо... Бабушка придет – привет передавай. Ага?

Не дождавшись от Наташи вежливой прощальной фразы, она быстро положила трубку, улыбнулась стоящей в дверях комнаты дочери.

– С кем это ты, мам? Еще и Гуинплена какого-то приплела... А кто это, кстати?

– Книжки надо читать, дочь. Я в твоём возрасте все подряд читала. А вас с Максимкой и под палкой не заставишь.

– Ну почему? Я, между прочим, читаю...

– Да видела я, что ты читаешь! Сейчас все эти ваши реалисти-шоу такими писателями в потугах разродились, что и не знаешь, как было бы для вас лучше. Может, лучше бы было, если б они в родах померли... Ты обедать будешь?

– Не-а. Я свой обед Максу жертвую.

– Катя!

– Мам, ну не начинай, а? Сказала – не буду! Ну чего ты отслеживаешь меня, как послушную лохушку-ботаничку? Прыгаешь вокруг курицей... Тоже мне, Галина Бланка нашлась... Лучше б своей личной жизнью занялась, ей-богу!

– Какой своей жизнью, Кать? Вы с Максимкой и есть на сегодняшний день моя личная жизнь. Другой нет, уж извини...

– Ой, ну чего ты? Ну прости... Мам, я правда не хотела тебя обидеть!

– Я и не обиделась...

– Ага! Я же вижу! Не обиделась ты! Глаза опять вон какие затравленные стали! Ну мам, ну не переживай ты так! Прямо смотреть на тебя больно! Ну хочешь, я что-нибудь съем?

– Хочу! – грустно улыбнулась дочери Женя. – Пошли на кухню! Могу творогу тебе предложить... От него никто еще не толстел, между прочим!

– Ага, рассказывай, – проворчала Катя, направляясь в сторону кухни. Сев за стол и наблюдая за суетящейся в узком кухонном пространстве матерью, продолжила: – Некоторые тетки,

между прочим, и от морковки поправляются. Это уж кому как повезет, знаешь... Вот Лена вчера мне говорила, что у нее от бокала красного вина наутро складка на пузе вырастает...

– Какая Лена?

– Ой, мам...

Катя вздрогнула и моргнула испуганно, растянула губы в виноватой улыбке. Максимка тут же кинул на сестру короткий упругий взгляд исподлобья, выразительно покрутил пальцем у виска. Переглянувшись, они дружно опустили глаза в тарелки и замолчали так виновато, что Женя даже испугалась немного.

– Эй, ребята, вы что? Случилось что-нибудь, да? Кто она, эта Лена с пузом и со складкой?

– Кто, кто... Жена папина новая, вот кто... – уныло произнес Максим, снова с досадой посмотрев на сестру.

– Так вы вчера к отцу домой ходили? Зачем? Он что, приглашал вас, да? – оторопело спросила Женя, опускаясь на кухонный стул.

– Нет, мам, не приглашал. Мы сами пошли.

– Зачем?!

– Ой, ну как это – зачем? – вдруг взорвалась обиженным восклицанием Катя. – Что значит – зачем? Да затем, что он наш отец все-таки! И вроде как по детям своим скучать должен! И помогать, между прочим, тоже должен! Сколько мы можем на твоей шее сидеть? Новый год скоро, а у нас проблем всяких куча... Вон Макс надо деньги вносить за зимний лагерь, а он не знает, как к тебе с этим подъехать...

– За какой лагерь? Не поняла я... – оторопело моргнула Женя.

– Да у них тренер договорился, что на все каникулы они за город командой отдыхать поедут. Ну и тренироваться тоже, конечно. Я знаю, он хочет... Правда же, Макс? Ну что ты молчишь, как воды в рот набрал? – повернулась к брату Катя и слегка подпихнула плечом.

– Правда, правда... А толку-то что от этой правды? – пробурчал Максим, не поднимая головы. – Все равно ж денег нет... Это дорого очень... Там не лагерь, там база спортивная, настоящая, с наворотами всякими...

– И что вам отец-то сказал? – перебила его отчаянно Женя. – Я ж так поняла, вы к нему с просьбой обратились?

– Да ничего не сказал, мам. По-моему, он вообще в последнее время говорить разучился. За него теперь Лена говорит. А он только сидит, улыбается, как debil...

– Катя! Ну зачем ты так! Это ж отец твой!

– Ага. Кто спорит? Отец, конечно. Но только в настоящий момент, мамочка, эта Лена в нем и твое, и мое, и Максимкино место заняла. Молодец, конечно, что скажешь...

– Кто молодец? Отец молодец?

– Да при чем тут... Лена эта молодец. Так им вертеть научилась, что будь здоров! Представляешь, вчера сидит и жалуется нам, что ей алиментщик проклятый в мужа достался... Нам, его детям! И главное, искренне так жалуется, чуть не плачет! А отец сидит и улыбается виновато... Можно подумать, он и впрямь нам такие алименты платит – с ума сойти! Нарисовал сам себе нищенский доход, с которого нам не деньги, а слезы перепадают... А ты – отец, отец... Мы только с Максом заикнулись про деньги, сразу эта Лена так орать начала!

– На вас?!

– Да нет. Не на нас, конечно. На отца. Шубу какую-то поминала, которую он так ей и не купил...

– А он что?

– Да ничего. Говорю же – сидит, улыбается только. И с восхищением таким на эту Лену смотрит, что аж завидно стало. Вот на тебя он так никогда не смотрел, мам!

– Ну почему, смотрел... – совсем уж убито прошептала Женя и проглотила жесткий слезный комок, давно уже застрявший в горле. – Он очень меня любил... По крайней мере, мы очень дружно жили...

– Слушай, мам... А может, ему именно этого не хватало, а? Ну, чтоб эмоции были, чтобы ор по любому поводу... Ты же такая спокойная у нас, лишний раз и голоса не повысишь... Может, тебе тоже так попробовать?

– Я так не умею, Кать...

– Ой, да подумай, проблема! Не умеешь – научись. Дурная наука не хитрая. Давай, а? Мы его с Максом сюда приведем, а ты ему пару скандальчиков от порога закатаешь. С истерикой, с оскорблениями там всякими... А еще лучше – кинуть в него чем-нибудь! Аукубой твоей, например! Классно же будет! Под ней горшок тяжелый, декоративный... И растению вреда никакого, оно ж искусственное...

– Да ну тебя, Кать... – вяло махнула рукой в ее сторону Женя, чуть улыбнувшись.

– Или давай мы ему, например, наврем, что к тебе куча мужиков у дверей в очередь выстраивается? А что, классно! Пусть на ревность изойдет... Он же тебя ни разу даже не приревновал, пока вы вместе жили! И ты его тоже – ни разу...

– Катя! Ну куда тебя понесло-то, господи? Остановись! Какие мужики, какие ревности?

– Ну вот... – обреченно протянула Катя, откинувшись на спинку стула. – Я ж говорю – такая ты и есть... Нельзя, нельзя такой быть, мамочка! Сама ж видишь, как нынче крутые лены мужиками командуют. И правильно, и где-то отца и поймешь... И я б на его месте нам ни фига не помогала. Он плюнул в нас, а мы утерлись!

– Ладно, все. Давайте закроем тему, – решительно хлопнула ладонями по столу Женя. – Нечего мать учить, какой ей надо быть, какой не надо... Принимайте такой, какая есть. Уж извините, другой не будет. А деньги к Новому году у нас появятся, это я вам обещаю. Когда тебе надо за свою турбазу платить, Максимка?

– Крайний срок – послезавтра.

– Это что, в понедельник, значит?

– Ага...

– Ну вот, к понедельнику и будут.

– Откуда, мам? Ты ж говорила, тебе зарплату задержат...

– Не важно. Сказала – будут, значит, будут. Ну что, посуду кто из вас помоеет?

– Катюшка, конечно! – радостно выгнул спину от хорошей новости Максим. – Морской закон потому что! Она последняя ела...

– Фиг тебе! – резво развернулась к нему на своем стуле Катя. – У нас в семье давно морской закон не действует! У нас нынче закон летчика!

– Это какой такой закон летчика? – удивленно уставился на нее Максим.

– А такой! Кому надо – тот и уберет!

– Понятно... – тихо рассмеялась Женя. – Если жить по этому закону, то мне тогда в вечных летчиках придется всю свою жизнь пролетать...

– Да не слушай ее, мам... – покладисто улыбнулся Максим. – Я помою, делов-то. Иди отдыхай, там твоя передача любимая по телевизору началась!

– Спасибо, сынок. Пойду. Хорошо, хоть ты у меня настоящим мужчиной растешь...

Поднимаясь из-за стола, Женя дотронулась рукой до его упругих вихорков на затылке, провела ладошкой по мальчишеской румяной щеке. Слезный комок снова было сделал попытку прорваться к глазам, но она это дело быстренько пресекла – не хватало еще слезу слабую женскую при детях пустить. Ни к чему ей это. И так вон выяснилось, что она в войне за мужа в аутсайдерах оказалась, а теперь еще и в глупой сентиментальности не хватало раскваситься... Нет уж. Плюхнувшись на диван перед телевизором, стала наблюдать рассеянно за процессом преобразования очередной золушки-замухрышки в прекрасную и модную коро-

левну, которая и сама себя в конце передачи не узнает, а только взвизгивает удивленно, глядя в зеркало. А потом разгуливает в новых стильных нарядах по подиуму, якобы поражая двух девушек-ведущих своей расчудесной трансформацией. Вот ей бы так. А то у нее все наоборот получается – из королевы в золушку. Шубу-то, как выяснилось, все равно продавать придется...

Она снова вздохнула коротко, погружившись в грустные свои денежные думы. А может, у подруг подзанять? Но они тоже девушки небогатые, самую что ни на есть среднюю зарплату получающие. И у них тоже проблемы, тоже семьи. И семьи полные, между прочим. Что у Аси, что у Маши. А у Аси так вообще трое детей... И мужья у них совсем не олигархи... Можно еще, конечно, у Юрика попросить. То есть у Юрия Григорьевича Караваева, конечно. Чего это она вдруг так о нем панибратски подумала – Юрик... Не брат и не сват он ей, слава богу! Да, у него попросить можно. Но не нужно. Эта мысль сразу отбрасывается, как неприемлемая и отвратительная. Фу, даже думать неприятно! И как это ее угораздило в эту нехорошую историю с Юриком, то есть с Юрием Григорьевичем Караваевым, вляпаться, уважаемым своим коллегой-сослуживцем? От отчаяния бабского после развода, наверное... Ну да, от отчаяния. И от страха. Этих двух злобных помощничков, страх да отчаяние, и звать не надо, они сами приходят и руководят твоими поступками, за которые потом перед самой собой стыдно. А насчет денег... Денег бы Юрик точно ей дал, в этом сомневаться не приходится. Хотя и ему тоже зарплата на фирме к Новому году не светит, это ж понятно. Но он точно расшибся бы, а денег для нее добыл. Ладно, проехали. Ишь, про Юру она вспомнила... Кое-как из этой истории выкарабкалась, а туда же... Продолжения, что ль, захотела? Нет, не приведи господь... Лучше уж шубы навсегда лишиться.

Резко оторвав спину от диванной подушки, она притянула к себе телефонный аппарат, набрала знакомый номер. Будто одоблив ее окончательное решение, аукуба японская тоже ожила вдруг, золотые листья качнулись, плеснув немного золота. Вот, мол, все, что могу... Спасибо, аукуба японская. Только ты меня и понимаешь. Если б еще золото твое настоящим было...

– Але! Говорите! Слушаю! – Оксанкин хохляцко-торопливый голосок будто пнул ее в ухо, заставил вздрогнуть после долгого пиликания пустых и длинных гудков телефонного ожидания.

– Ой... Это я, Оксан! Привет! К тебе сейчас можно?

– Женька, ты, что ли?

– Ну да, я.

– Не, Жень, сейчас никак. Сейчас Гоги ко мне завалится! Помнишь Гоги? Толстый такой, с лысинкой? Мы как-то с ним из лифта выходили, а ты как раз дверь квартиры закрывала...

– Ой, ну откуда ж я помню, Оксан? Их, всех твоих, и не упомнишь... А когда мне зайти можно? Я вот шубу тебе хотела предложить...

– Ага, поняла... Слушай, а давай мы так поступим... Ты завтра приходи! Он, по-моему, и на завтра планирует остаться, воскресенья же... Вот ты со своей шубой как раз и нарисуешься! А уж я разыграю все как по нотам. Идет?

– Хорошо, Оксан. А в котором часу примерно мне надо рисоваться?

– Ну, это я не знаю... Это как карта ляжет... А давай я тебе позвоню, ладно? Ты завтра никуда из дому не уйдешь?

– Да нет вроде...

– Ну, вот и хорошо! Значит, жди звонка! Только в дверь звони понастойчивее, понастырнее так, да поизвиняться потом не забудь, что вроде ворвалась некстати в нашу интимную обстановку.

– Ладно, я попытаюсь, конечно. Я ведь та еще артистка – из того самого погорелого театра...

– Ну все, пока, Женя. Некогда мне, сама понимаешь...

– Пока, Оксанка. Успехов тебе на сексуальном фронте.

– Ой, ну скажешь тоже... Хотя я и не обижаюсь, ты же знаешь! Мы девушки не гордые, чем можем, тем и зарабатываем...

Женя положила трубку, медленно поднялась с дивана, прошла в прихожую. Шуба выглянула сиротливо из открытой двери шкафа, блеснула черно-оранжевым красивым мехом, отражаясь в лампе светильника. Жалко. Конечно, жалко. Как бы там жизнь бабская ни поворачивалась, а шуба для любого женского самолюбия – здорового ли, раненого ли – вещь хоть и не самой первой необходимости, но жуть какая приятная...

Все воскресное утро Оксанка не выходила у Жени из головы. И не потому, что звонка она ждала от бедной своей соседки, а вообще... Хотя и под большим вопросом было, конечно, то обстоятельство, кто из них более бедная – Оксанка или сама Женя. Это с какой колокольни судить. Если с колокольни наличных денег – то в Оксанкином кошельке их на сегодняшний день наверняка побольше. Это уж как пить дать. А вот насчет всего остального, святого-морального и жизненно-женского, то тут, пожалуй, Оксанку и в самом деле пожалеть стоило, потому что жизнь у девчонки шла ой как неустойчиво. Будто и не шла, а по льду скользила. Хотя при определенной сноровке можно долго скользить себе и скользить, не упав ни разу. А можно и на ровном и твердом месте голову себе расшибить насмерть...

С девушкой этой она познакомилась год назад – Галина Васильевна ее привела, соседка по лестничной площадке. Вот, сказала, Женечка, сдаю я свою квартиру по причине пенсионной денежной немощи, к сестре в деревню жить уезжаю. Ты уж тут, сказала, присмотри за всем, чтоб все в порядке было, чтоб соседи потом не жаловались... Оксанка ей тогда очень не понравилась! Волосы белобрысые всклокочены, грудь из декольте наружу вываливается, юбка по самое ничего, глаза круглые так и шныряют с наглым любопытством... А потом ничего. Потом Оксанка пообтесалась как-то, похорошела-выхолилась, достоинство приобрела. Правда, куражным слегка было это достоинство, наигранным, попахивало от него обыкновенной и пошлой продажностью... Но в общем и целом ничего оказалась девчонка. Женя даже подружилась с ней. А когда выяснилось, что на шее у этой девчонки сидят мама с бабушкой да сестренки малолетние, проживающие в далекой и бедной Донецкой области, то Оксанка полного Жениного уважения удостоилась. Тем более что окончательно на путь древнейшей профессии, неблагодарный и грязный, эта блондинка умудрилась не встать. Была она, скорее, удачливой гетерой, или гейшей, или как там еще эту полупрофессию можно назвать. Как ей это удалось – Женя не вникала. С трудом, наверное. Просто образовался со временем вокруг Оксанки круг мужчин-покровителей, наделенных одним и тем же родовым отличительным признаком. Все они, эти покровители, были, как теперь говорят, явные лица кавказской национальности. Довольно, надо сказать, приличные лица. Попадались среди них и очень симпатичные, слегка интеллигентные даже. С глазами черными, умными и сметливыми. И с печатью во всем остальном облике денежного достатка. Видимо, было нечто такое в Оксанке, что привлекало к ней этих богатых смуглых покровителей. Прямо отбоя у нее от них не было. Некоторые даже, случалось, и надолго задерживались, но Оксанка этого не любила. Говорила, что праздник проводить с кавказским человеком – это одна песня, а вот жизнью обывденной жить – совсем другая. В обывденной жизни, мол, денег от него хороших не потребуешь и маме с сестренками в Донецкую область не пошлешь...

Вздыхнув, Женя тряхнула головой, пытаясь отогнать от себя эту проклятую мысль. Все на этих деньгах замешано, леший их побери! Ну никак без них, и все тут. Положи, как говорится, на этот алтарь честь свою, а денег заработай. И что с этим делать – никто не знает. Вот хоть ту же Оксанку взять. Конечно, могла бы она и продавщицей в палатку устроиться, копейки там зарабатывать, зато честь бы свою соблюла. Ну а дальше что? Куда она потом с этой честью? В

посылку ее запаковала бы и в Донецкую область отправила? Вместо денег? Вот бы сестренки обрадовались...

Или вот недавно они с Аськой и Машей про двух своих одноклассниц интернатских сплетничали. В том интернате, куда бабушка Женю временно определила, когда заболела неожиданно, много всяких девчоночьих судеб-историй у нее перед глазами промелькнуло. Хоть и пробыла она там год всего, а на всю жизнь запомнилось... Там она, кстати, и с Аськой подружилась. И с Машей тоже. И те две девчонки с ними тоже учились. А потом оказалось, что девчонки эти завели себе детей сразу после интерната и отцов у этих детей никаких рядом не оказалось. И помощи родственной – тоже никакой. И жить им негде было. Самые рядовые, кстати, истории... В них обычно интернатские да детдомовские девчонки и вляпываются, как самостоятельной жизни хлебнут. Потому что верят всем безоглядно. И в любовь бросаются так же – безоглядно, наверстать пытаются с детства сиротского ее нехватку. В общем, хоть плачь этим одноклассницам оказалось, хоть волосы на голове рви. Одна и стала их рвать помаленьку, то есть ходить да обивать пороги всяких собесов да фондов, и колотить на этих порогах себя в грудь кулаком – помогите, мол, порядочной молодой матери, которая честью своей дорожит и на путь легких заработков вставать не хочет. А другая пороги не обивала. Другая, чтоб себя и ребенка своего прокормить, как раз на этот путь легких заработков и встала, потому как другого выбора у нее не было. Потом уж выяснилось, что ребенка своего на этих нехороших приработках она и впрямь подняла и даже комнатушку в коммуналке себе купила – какое-никакое, а жилье. И мальчишечка у нее такой славный растет... А та, первая, которая призывала всех восхититься ее женской честностью, ребенка своего в детдом сдала. Воспитывать-то его не на что было. Зато с честью незапятнанной навсегда осталась. И больше ни с чем. Вот и рассуждай теперь, кто есть из них мать более честная да порядочная. Хоть зарассуждайся, а от факта прямого все равно не уйдешь. Раз не родилась ты с серебряной ложкой во рту – взвешивай на весах честь свою и не честь и выбирай... И никто не поможет тебе в этом выборе. Они тогда, конечно, долго с Аськой да Машей на эту тему спорили, чуть не поссорились даже. Слава богу, хоть к одному общему выводу пришли – нельзя никого судить огульно. Вот и она Оксанку не судит. Как живет девчонка, так и живет. Один бог ей судья... Только чего ж она не звонит ей так долго? Передумала, что ль? Или забыла, может? Господи, хоть бы не забыла...

Весь день у Жени все валилось из рук. Как плохо все-таки сиротой на свете жить! Ни брата у тебя, ни сестры, ни дяди с тетей... Только и остается вокруг телефона круги нервные выписывать. Даже и шубы уже не жалко – черт с ней, с шубой этой!

Люди вон на какие жертвы идут, чтоб детей своих вырастить, а она тут по шубе поминки устроила... Вдохнув и выдохнув резко, Женя силой привела себя в чувство и даже рукой махнула так, будто воздух перед собой на две половинки разрубила. Чего она, в самом деле, расквасилась? Будто ее тоже на панель жизнь погнала. Да фиг вам, на панель! Ей ли жаловаться? Да у нее вообще все есть! Крыша над головой, дети замечательные, а Оксанка... Оксанка обязательно про нее вспомнит! Быть такого не может, чтоб она за здорово живешь от подарка такого отказалась! Позвонит, обязательно позвонит! И шубу сцапает, и деньги у нее к завтрашнему утру будут... И потом... не навсегда же ей это безденежье назначено! После Нового года зарплата будет, и сразу за два месяца, если повезет...

Условного звонка от Оксанки она дождалась только к вечеру – за окном уж темнеть начало.

– Давай приходи... – заговорщицки шептала Оксанка в трубку. – Он как раз из душа вышел, разморенный сидит, коньячку накатил... Самое время сейчас... Только я долго тебе открывать не буду, а ты звони в дверь внаглую, прямо будто приспичило, ага?

– Ладно, поняла... – тоже почему-то прошептала Женя. Отставив в сторону сковородку с недожаренными оладьями, сполоснула руки под краном, мельком глянула на себя в зеркало,

схватила с плечиков шубу и быстро выскочила за дверь. Оксанка и впрямь долго не открывала – Женя уж наизгалялась над кнопкой звонка всячески – и так ее нажимала, и этак...

– Ну чего ты ломишься так яростно? Чего? – открылась наконец дверь вместе с возмущенными Оксанкиными вопросами и хитрым одновременным подмигиванием. – Приспичило тебе, что ли? Какая ты настырная, Жень... Раз не открывают тебе – значит, дома нет никого! Или не хотят открывать! Ну, заходи, раз пришла! Что с тобой сделаешь...

Врала Оксанка просто великолепно. Искренне и с вдохновением. Будь Женя на месте Гоги – никогда б никакой игры не заподозрила. Только бы ей теперь самой не оплошать – у нее актерских талантов отродясь не наблюдалось. Вообще, Оксанка и внешне сошла бы за очень успешную раскрученную актрисульку, да и запросто ею могла бы стать, наверное, сложись ее жизненные обстоятельства немножко по-другому. Было в ней что-то глаз притягивающее, будто олицетворяла она собой гордое звание всех женщин, созданных природой именно светловолосыми. Вот посмотришь на нее, и одно на ум приходит – блондинка. Вот Женя, например, тоже светленькая, а блондинкой ее почему-то никто не называет. Не тянет она на блондинку. А вот Оксанка не только тянет, Оксанка, можно сказать, вперед из ряда выпрыгивает. И стать у нее, и грудь, и личико хитровато-кукольное, и ума бытового и приспособленческого не занимать...

– Ну, проходи, проходи... Познакомься, Гоги, это соседка моя, Женя. Вот приспичило ей, понимаешь... Звонит и звонит! Чего случилось-то, Жень? Ой, а что это у тебя в руках? Шуба, что ли?

– Оксан, ты меня не выручишь? Мне срочно деньги нужны... Вот, может, шубку у меня купишь? Она тебе подойти должна, мы с тобой одного вроде роста...

– Ой, дай я примерю...

Шуба тут же перекочевала из Жениных рук на белые Оксанкины плечи, села на них гордо и красиво, как влитая. Как тут и была. Будто обиделась на Женю за предательство. Повернувшись от большого зеркала к Гоги, Оксанка ловко выгнулась в спине, взмахнула широким норковым подолом, улыбнулась маняще, закутав лицо в мех большого капюшона. Красота!

– Вах-х-х... – только и сумел произнести толстенький Гоги, сверкнув плотоядно глазами. – Вах, хорошо... Как тебе это подходит, женщина!

– Ага, подходит... – грустно простонала Оксанка, сделав жалостливо-глупое лицо. – Легко сказать – подходит... – И, обращаясь к Жене, проговорила тоскливо: – Зачем ты мне ее принесла, Женька? Знаешь же прекрасно, что мне такую никогда не купить... Где я денег столько возьму? А так хочется... Я так о такой мечтала всегда... М-м-м...

Оксанка снова прокрутилась красиво, вытолкнув наружу всю свою сексапильность, поймала в фокус восторженный Гогин взгляд. Потом застыла изваянием, разрешая до конца насладиться прекрасным зрелищем, вздохнула, погрузилась кукольным личиком, задрожала пухлыми губами...

Дальше уже следовала развязка спектакля. И в театральном, и в буквальном смысле. Дрожащими руками Оксанка развязала на талии шубный пояс, безысходно повела плечами, небрежно скинула меховую красоту Жене на руки и с размаху упала в кресло – страдать. Страдала она очень убедительно – пустым взглядом, гордо вытянутой шеей и губами скобочкой. То есть изо всех сил будто сдерживала слезы. По сценарию в этот момент Гоги должен был соскочить с дивана и увести Женю вместе с шубой на кухню – производить процесс купли-продажи шубки для приютившей его прекрасной блондинки.

Он и встал. И повел. А куда было бедному Гоги деваться? Талантливое лицедейство – оно и не таких в нем неискушенных с ума может свести. Тем более по заранее продуманному сценарию. Теперь уж Женя должна была свою роль правильно сыграть. И не переборщить, не дай бог. Иначе Гогиного всплеска страсти пополам с благородством надолго не хватит. Они вещи очень тонкие, можно даже сказать, весьма ненадежные, эти мимолетные мужские страсть

и благородство. Вот сейчас, в эту секунду, они есть, а в следующую глянь – уже и порхнули, как легкие птички с ветки. А сейчас птички как раз сидят, чирикают беззаботно и не чувствуют ничего... Так-так... Сейчас Гоги скажет – можно вас на минуточку, женщина...

– Можно вас на минуточку, женщина? – послушно произнес Гоги, показывая глазами на дверь кухни. – Очень поговорить хочу...

– Что ж, пойдёмте, поговорим, – будто бы равнодушно пожал плечами Женя. – Раз просите, отчего ж не поговорить...

– И сколько ты хочешь за свою шубу? – сразу деловито перешел на «ты» Гоги, садясь на кухонный стульчик и заботливо запахивая на волосатых ногах короткий махровый халат. – Только сразу предупреждаю – разумную цену называй. Иначе разговора не состоится. Поняла, женщина?

– Ну... Вообще, я думала за нее две тысячи долларов получить... – робко взглянула на него Женя.

– Сколько? Сколько? Две тысячи? Я не ослышался? Ты что, женщина, меня за тупого лоха держишь, или как? Думаешь, что говоришь...

– Да я ее за четыре тысячи в магазине покупала! Вы что!

– Когда покупала? Десять лет назад?

– Нет, не десять... Да вы только потрогайте, какой мех! Это очень качественная норка! И сама шуба эксклюзивная... Вы посмотрите, как цвета шикарно подобраны – черный с переливом желтого и оранжевого! Ни у кого такой больше нет, честное слово! По крайней мере, я точно такой второй не видела. А главное – ничего ей не сделалось. Посмотрите, она как новая!

– Ты что, женщина? Ты учишь меня сейчас будешь, что ли, какая вещь какую реальную цену имеет? Ты разве не знаешь, что вещь новая и вещь как новая – две очень большие разницы?

– Почему? Знаю. Потому и прошу не четыре тысячи, а всего лишь половину. С учетом амортизационного износа.

– Э-э-э, грамотная какая... Убери свою грамоту куда подальше сейчас, слушай... Даю тебе тысячу, и будь счастлива...

– Как это – тысячу? Всего? Но это же мало... То есть несправедливо...

– А тебе надо, чтоб еще и справедливо было? – обидно хохотнул Гоги, хлопнув себя по плотным толстым ляжкам. – Ну ты даешь, женщина... В общем, тысяча, и разговор закончен. Это хорошая цена. И не говори больше ничего. А то вообще ничего не получишь.

Слишком уж твердо произнес последние слова Гоги, чтоб Женя ему не поверила. И впрямь – скажет еще слово, и действительно ничего не получит. А куда она еще продавать свою шубу пойдет? Некуда ей идти. Завтра за Максимкин зимний лагерь платить надо. А Оксанка на свои кровные точно не разорится. Нет, надо соглашаться, конечно. Да и прав Гоги: вещь новая и вещь как новая – две большие разницы...

– Ну хорошо, – грустно вздохнула Женя, махнув рукой. – Тысячу так тысячу. Уступаю вам, Гоги. Из уважения. Чувствую, с вами и не поспоришь. Сразу видно – деловой вы человек. Только, может, это... Ну... Вы эту тысячу хотя бы в вехах посчитаете? А, Гоги? Понимаете, мне очень сейчас деньги нужны...

– А кому они сейчас не нужны, женщина? – улыбнувшись довольно навстречу ее комплиментам и покладистости, проговорил Гоги. – Знаешь ты хоть одного человека, которому сейчас деньги не нужны? Ладно, в вехах так в вехах. Сейчас отдам...

Вальяжно поднявшись со стула и потянув из Жениных рук шубу, он важно пронес через коридорчик свое круглое пузо и, войдя в комнату к страдающей в кресле Оксанке, произнес победно и снисходительно:

– Пляши! Купил я тебе эту шубу!

Опершись плечом о дверной косяк и скрестив руки на груди, Женя с удовольствием приоткрыла досмотреть это придуманное Оксанкой кино, эту немудреную и по-женски любительскую мелодраму, подошедшую, наконец, по всем законам жанра к своему счастливо-сопливому финалу – пора вздохнуть, утереть слезу, а титры можно и не читать... Вот Оксанка, выпрыгнув тигрицей из кресла и схватив ее шубу в охапку, лобызает своего благодетеля в блестящую смуглую лысину, вот снова напяливает ее на себя вождельно, вот прыгает-вертится вокруг него в страстной пляске довольства этой прекрасной жизнью. Молодец, конечно. Наверное, так и надо жить. Сегодня, сейчас и радуясь. Жаль, что она, Женя, так не умеет. Вот Оксанка умеет, а она – нет. А может, и хорошо, что не умеет. Чтоб с таким вот Гоги, да в постель... Нет уж. Увольте. Тут уж каждому свое, как говорится. У каждого и радости свои, и комплексы тоже свои. Да и проблемы денежные...

Получив из рук Гоги пачечку тысячных бумажек, Женя торопливо распрощалась и поспешила ретироваться из Оксанкиного любовного гнездышка, гонимая в спину нетерпеливым Гогиным взглядом. Оно и понятно – надо ж ему компенсацию получить побыстрее за проявленные только что меценатскую щедрость и мужицкое благородство. Не просто же так эти блага он на Оксанкину блондинистую голову должен сыпать. Если каждому – свое, то и Гоги свое отдайте, раз так положено. Дома, плюхнувшись на диван и положив перед собой на столике зеленовато-голубую пачечку, Женя совсем уж было наострилась поплакать немного по невозвратно сгнувшейся красивой одежде, но не успела – дверной требовательный звонок быстро поднял ее с места. Кто-то из детей пришел. Что ж, и хорошо. А главное – вовремя. Вот она, возможность сменить горечь утраты на радость в детских глазах. Будут теперь и лагерь зимний, и наряды, и стол новогодний. Лишь бы хватило на все... Проходя мимо зеркала, она смахнула худосочную слезу, успевшую таки выползти на щеку, мельком улыбнулась сама себе. Ничего, что сделаешь, раз ты есть мать? Давай неси свое красное знамя. Оно у тебя тоже, между прочим, радостное. Потому что каждому – свое...

На работу в понедельник Женя опоздала. Позволила себе такое маленькое удовольствие – лишних полчаса в постели поваляться. А что? Раз зарплату задерживают, то и она тоже поведет себя адекватным образом... Хотя никто, если честно, ее мстительной адекватности в это утро не заметил. На фирме их были заведены порядки очень даже демократические – сиди здесь ровно столько, сколько надо, но чтоб работу свою хорошо сделал. Если ты умный и быстро справляешься – честь тебе и хвала. Сделал дело – гуляй. А если не справляешься – тоже твои проблемы, хоть всю ночь тогда сиди за компьютером. Женя была как раз из справляющихся. Везде у нее был и в бумагах порядок, и на компьютерном экране каждая цифра свою строчку знала и вовремя из нужного файла выскакивала. Хорошо, хоть в этом повезло.

Рабочее место она делила еще с двумя девчонками-бухгалтершами. Хорошие девчонки, не вредные. Они подружились сразу, сидели себе втроем, общаясь меж собой абсолютно вольготно, без ханжеского насильственно-должностного балагана-выканья. Обеих Жениных подружек-сослуживиц звали Олями. Одна была главным бухгалтером и потому, как они между собой решили, взяла себе прерогативу остаться при своем законном имени, то есть звалась Олей. А другая была просто бухгалтером и потому была быстренько переименована в Алену. А чаще всего сходила просто за Аленку по причине своего незрелого рабочего малолетства. Женю же девчонки звали на мальчишеский совсем манер – Жекой. Любили они и взахлеб посплетничать, как всякие нормальные женщины, и острым словцом перекинуться. Больше всего доставалось, конечно, Аленке. Поначалу она обижалась, а потом ничего, освоилась, тоже стала зубки показывать. Оля же была дамой очень серьезной и на людях старательно этот имидж поддерживала. Главный бухгалтер все-таки. Должность обязывает строго и холодно взирать на сотрудников через стекла стильных очков, носить модные офисные костюмчики и дорогую стрижку волосок к волоску. И не успела Женя в это утро поздороваться и сесть за свой рабочий стол,

как по взглядам Оли и Аленки поняла – опять есть повод над ней, бедной, похихикать. Так, что же на этот раз? Ага, большая шоколадка в ящичке стола обнаружилась... Понятно...

– Что, Жека, опять презент от хахаля своего получила? – насмешливо-снисходительно протянула Оля, не отрывая глаз от экрана компьютера. – Заходил тут Юрик твой наведни, терся около стола... Чего он там подсунул? Опять шоколадку, что ль?

– Ага... – обреченно согласилась Женя. – Большую, фэйзеровскую...

– Ну, в своем репертуаре наш Юрий Григорич! Ты ему скажи – пусть лучше банку маринованных огурчиков принесет для разнообразия...

– Ой, да ну! Лучше уж шоколад пусть носит! – радостно подскочила на своем стуле Аленка. – Сейчас чай пить будем! Оля, чайник включать?

– Включай... – разрешила ей Оля, все еще напряженно вглядываясь в экран. – Сейчас поьем, я только закончу вот тут...

Вскоре они дружно уселись за столиком в углу, довольные и дружбой, и офисным уютом, и перепавшей им к чаю шоколадкой. Правда, последнее обстоятельство обрадовало только Олю с Аленкой – Женя совсем ему не рада была. Наоборот, один только вид разломанного и разбросанного по фольге презента вызывал стойкое раздражение. Ну зачем, зачем он это делает, господи? Как не понимает человек, что ей неприятно это все...

– Ладно, не злись, Ковалева. Чего такую кислую мину состроила? Не лимон же тебе подарили, а вкусную шоколадку... – откинулась на спинку стула, держа чашку в руках, Оля. – Радуйся давай!

– Чему тут радоваться-то? – махнула рукой Женя. – Сама ж понимаешь, что нечему. Знаешь, как неприятно? Ты человека в дверь гонишь, а он в окно лезет...

– Да, Юрий Григорьевич, он такой... настырный очень, – поддержала интересный разговор и Аленка. – Его если и в окно выгонишь, все равно не отстанет. Влюбился он в тебя, Жека...

– Да ладно, влюбился... Понимала б чего... – усмехнувшись, тихо проговорила Оля. – Если бы просто влюбился... Тут другое, Ален. Тут мужское самолюбие задето, понимаешь? Самолюбие человека маленького, ничем особенным не примечательного... Это как бомба замедленного действия – все равно рванет когда-нибудь. Так что лучше смиришься, Жека. Ничего тебе, похоже, и не остается, как всю оставшуюся жизнь Юриковы шоколадки из его рук кушать...

– Да ну тебя, Оля! И без шуток твоих тошно...

Женя замолчала сердито, грея пальцы о теплую кружку, изо всех сил пытаясь подавить растущее внутри раздражение. Ну вот за что, за что ей все это? Почему именно она попала в поле Юрикова несчастного вожделения? Почему именно на нее запал он с первого же дня, как она в этих стенах появилась? Нет, он, конечно, не набросился на нее тогда так уж безоглядно со своими ухаживаниями – лишь издали за ней наблюдал. Тоскливо, тайно и тревожно. Правда, она сразу вожделенную его тоску-тревожность будто кожей прочувствовала, вздрагивала ни с того ни с сего и оборачивалась. И натыкалась на Юриков взгляд – горячий, грустный, потенциально безысходный. Прямо желтый и пустынный какой-то. И везде ее этот взгляд преследовал, как навязчивый глазок телекамеры. Протыкал насквозь, точно рентгеном. Не из легких, между прочим, это положеньице – под лучом такого взгляда ходить. Никакой тебе личной пространственной свободы не получается, когда за тобой такая вот слежка идет. Та еще пытка китайская...

Как выяснилось, не одна она тогда эти Юриковы взгляды заметила. Как там бабушка говорила? Ты и сам себя еще не ведаешь, а деревня уж все про тебя знает. Так оно и есть, наверное.

В общем, стали они постепенно на фирме объектом беззлобных насмешек – все, кому не лень, хихикали слегка над этой ситуацией. Оля, например, могла совершенно серьезно заявить уборщице тете Соне, чтоб та поосторожничала, прежде чем бумагу из Жениной урны выбра-

сывать – а вдруг там Юрик невзначай затаился? И Аленка могла вскрикнуть испуганно, обнаружив в своем компьютере вирус, и тут же прокомментировать его появление тем, что это, наверное, и не вирус вовсе, а Юрий Григорич Караваев вирусом прикинулся, чтоб в Женин компьютер попасть, да к ней забрел по ошибке... Изгалялись, в общем, кто во что горазд. Хотя Юрик тогда и близко к Жене не подходил. Она и сама его не подпускала, то есть повода никого для близкого и панибратского к себе подхода не давала. Смотрела сердито и строго, как сильно честная и замужняя. Она поначалу действительно в таких и числилась – сильно строгих и замужних. Так уж вышло. Пришлось немного приврать на собеседовании, когда сюда на работу устраивалась, что она, мол, дама исключительно из ряда женщин положительных и устойчиво-семейных. Она б и не врала, конечно, но так само собой вышло...

– ...А вы, Евгения, надеюсь, замужем? – огорошил ее последним вопросом того собеседования будущий шеф, Петр Алексеевич. Очень сильно огорошил, потому как сам вопрос уже таким образом прозвучал, что, признайся она сейчас в своей незамужности, не видать ей этого места, как своих ушей...

– Д-д-а... – неуверенно подтвердила Женя, скромно потупив взгляд. Потом, собравшись, снова вскинула их на потенциального и довольно симпатичного шефа, проговорила уже смелее: – Да! Конечно, я замужем...

– Ну, слава богу! А то, знаете, не люблю я одиноких баб с вечно рыскающими по мужикам глазами. Смотрят всегда, будто тебя под себя подстраивают. Да и работать им некогда – они ж в вечном творческом поиске находятся. Шарят и шарят по Интернету да по сайтам знакомств... Так и денег на них не напасешься!

– Нет, я не шарю... – замотала головой Женя, скромно улыбнувшись.

– Да. Я уже понял. Ну что ж, давайте поработаем, Евгения...

Женя, выйдя на улицу после этого собеседования, даже закомплексовала немного по поводу своего вранья, а потом быстренько успокоилась. Потому что получалось – формально она и не соврала вовсе. На тот момент они с Игорем еще состояли в официально-бумажном браке, до процесса бракоразводного не добрались. Главной теперь ее задачей было тайны своего бабского одиночества никак не раскрыть, то есть быть той самой – устойчиво замужней, которая глазами по мужикам попусту не рыскает, по интернетским сайтам не шарит... Решила она тогда скрывать свое неофициальное, но полностью незамужнее положение до последнего. Выхода-то у нее не было. А раз не было, и вести себя следовало соответственно своему вранью. Я, знаете ли, ребята, не такая. Я дама замужняя и очень даже серьезная. И вообще – мне работа важнее. И даже не подходите ко мне с глупостями всякими. А таланты актерские в этом деле были ей совсем без надобности. Она и в бывшем, самом что ни на есть натуральном своем замужестве такой была, недоступной для флирта.

А потом все рухнуло в одночасье – Игорь официальный развод затеял. Поначалу она побарахталась еще, конечно, чтоб скрыть этот факт от общественности, но разве такое скроешь? Такие факты особое свойство имеют – чем больше их скрыть стремишься, тем резвее они изо всех щелей выползают. Из телефонных переговоров с мужем, например. Из загнанных глаз, исподтишка взирающих на вроде бы уткнувшихся в свои компьютеры коллег, – слышали, о чем они с мужем речь ведут, иль нет? Или из иезуитской мужниной бесцеремонности, когда он через офисную секретаршу передает сведения о месте и времени судебного рассмотрения своего бракоразводно-вероломного иска. Да мало ли...

В общем, неприкаянность ее в этом вопросе вышла наружу во всем своем тягостном безобразии – в сочувствующих в ее сторону взглядах сослуживиц и сослуживцев, в шепотках за спиной, в искренних и не очень искренних словах поддержки, что, по сути своей, отвратительно равнозначно. Ох уж эта искренняя и не очень искренняя поддержка, способная вогнать точно гвоздь в доску, по самую шляпку, любую нервно переживающую свою семейную драму женщину. И без нее – никак. Потому что не объяснишь же людям, что выслушивать их искрен-

ние слова поддержки – настоящая пытка. А что делать – приходилось терпеть. И улыбаться благодарно – спасибо, мол, за вашу душевность, будь она трижды неладна. Спасибо, что напомнили лишний раз о временной моей женской ущербности...

Именно это проклятое чувство ущербности и толкнуло ее в то тяжелое время к Юрику, который тут же и легализовался, и вышагнул смело вперед из тени тайных своих страданий. Прямо на глазах это его смелое преображение произошло. Можно сказать, под рукоплескание общественности. Долой, долой, мол, Юрик, всякие там униженные да тревожно-безысходные тайные взгляды, путь завоевания теперь открыт. Давай шашку наголо – и вперед, пока почва женской ущербности новой травой не поросла. Самое место, самое время.

Да. Наверное, все так. И место, и время для Юриковых по Жене страданий оказались подходящими. Женя и сама не поняла толком, как это все у них тогда получилось – катастрофически скоропалительно. Когда оконное стекло ветром разбивается, его же быстренько заткнуть хочется, не важно чем – подушкой, например. Вот Юрик и стал для нее такой подушкой. Потому что надо было посещать бракоразводный процесс, потому что надо было смотреть в холодные и ставшие в одночасье чужими глаза Игоря. И было это ужасно. Зло, холодно очень и страшно. Точно так же было ей страшно, когда умерла бабушка и она осталась совсем одна. Перепуганная восемнадцатилетняя девчонка в большой пустой квартире с шорохами ночных звуков. Тогда Игорь, можно сказать, пришел и спас ее, как герой прекрасный и благородный. Просто поднялся этажом выше из убогой однокомнатной квартирки, которую снимал в их доме два года уже и был знаком с нею, можно сказать, шапочно. Просто зашел, просто прижал ее, дрожащую от страха, к себе, просто остался и стал жить. Это потом уж случились у них и свадьба, и белая фата – все честь по чести. А сначала она просто ему поверила. Потому что больше некому было поверить. Потому что он был большой и теплый. И взрослый. И самостоятельный. Каменная стена, из-за которой можно изредка выглядывать в трудную жизнь и плевать на все ее страшные страхи. И снова за эту стену прятаться.

Вот и про Юрика ей так же подумалось – а почему нет?... Что ему – слабо стеной этой быть? Чем он ей не стена? Вон как восторженно-преданно на нее смотрит. И вообще – он добрый, тихий, заботливый и детей ее обязательно полюбит... Тем более, как выяснилось, своих у него нет. У него, оказывается, ничего в жизни нет, кроме вздорной да истеричной жены, которая срывала на Юрике каждодневное свое раздражение. Бедный Юрик. Бедный Юрик...

В порыве жалостливой за любовь к себе благодарности она его даже домой к себе пригласила под предлогом полку к стене прибить. И ужином вкусным накормила. И с детьми познакомила. И ночевать оставила. И даже переспала с перепугу. Перетерпела, вернее. С женского унижения разводом чего только не сделаешь! Потому что любое предательство делает человека немного испуганным. И слабым. А особенно предательство близкого человека. А особенно – легализованное предательство, выведенное на людское судилище в самом прямом, буквальном смысле этого слова. То есть оно, конечно, очень цивилизованно бракоразводным процессом называется, но по сути все равно – судилище. Стоит бедная женщина на нем по другую сторону баррикады и слушает, как недавний и очень близкий человек настоятельно просит судью побыстрее удовлетворить его бракоразводное заявление. Терпежу, мол, никакого уже у него не осталось. И каждое слово этого недавнего близкого напрямик в сердце летит, и лупит бедная женщина на него глаза, онемев от боли и ужаса. Кажется, вчера еще свой хлеб, и кров, и тайные помыслы с ним делила, а сегодня – раз! – и на тебе. Получай. Ну как, как тут слабой не будешь? Тут и не таких глупостей со страху да от обиды натворишь... Потом вдруг опомнишься, конечно, а дело-то уже сделано.

Женя именно так и опомнилась – вдруг. Спихватилась запоздало – чего это она творит такое... Потому что подушка в разбитом окне – вовсе от холода не спасение. Так, временная мера, психологический, скорее, фактор. Ну ее – пусть уж лучше ветер сквозь дыру эту хлещет, чем подушка углами торчит.

В общем, обнаружила она в одночасье, что неприятен ей Юрик до самой крайней степени отвращения. Почти до омерзения. Всю ее залило враз по самую маковку отвращением этим дурацким, и поделаться с ним ничего было нельзя. Вроде и уговаривать себя пыталась, и стыдить всяко – нельзя, мол, такие чувства нехорошие к человеку испытывать... Как будто они, чувства наши, к человеческим да к совестливым уговорам когда-то прислушивались!

Хотя, если по правде рассуждать, Юрик этот был совсем уж никаковским. Или, может, Женя его именно таким видела – никаковским. Было, было что-то в его облике... маломужицкое. То ли суетливость излишняя, то ли с лица некрасивость – не поймешь. И еще – была у него голова в форме вытянутой такой желтенькой тыковки. Или тыковка не бывает вытянутой? А что у нас бывает такое – желтенькое и вытянутое? Дынька? Ну, тогда была у Юрика голова в форме вытянутой дыньки с проплешиной на самой макушке. Раньше он проплешинку эту старательно закрывал редкими мягко-цыплячьими волосами, зачесывая их с одного бока на другой, и волос этих катастрофически не хватало, и она просвечивала сквозь них так жалко и так убого-стыдливо, что хотелось быстренько отвести от Юрика взгляд, чтоб не смущать бедную проплешинку лишней раз. А потом его научил кто-то умный, и он вообще ее закрывать не стал. Просто коротко весь жалкий волосяной камуфляж сверху состриг. Хотя и неизвестно еще, что было лучше в данном конкретном случае, потому что выглядела теперь та проплешинка и уже вовсе не проплешиной, а нелепой лысой шишечкой, невесть откуда у Юрика на голове взявшейся. Смешно. И жалко. И как себя ни стыди за такие ущербные человеческие ощущения, но оно все равно смешно. И все равно жалко. Если, конечно, тебя все это хозяйство напрямую не касается. А если касается – тут уж не до смеха. Тут уж выкручивайся, как хочешь, чтоб из всего этого по-честному выскочить да человека не обидеть. Хотя тут середины и не бывает – все равно ведь обидишь...

А Юрик тогда, наоборот, будто духом воспрял. Распрямился, засиял мутно-голубыми глазками, засветился изнутри горделивым своим счастьем. И смотрел взором петушино-победным – смотрите, мол, добился-таки я расположения любимой мной женщины! Вот я каков на самом-то деле! А вы сомневались! И что Женю совсем уж окончательно от него отворачало, демонстрировал эту победу свою при любом удобном и даже не очень удобном случае: то подойдет юбку ей по-хозяйски отряхнет, то знакомить начинает со всеми подряд – вот она, мол, моя женщина, смотрите... Правда, хорошенькая? Это подруга моя, Женечка... Смотрите, смотрите все – любовница у меня ничуть не хуже, чем у других. И я сам, стало быть, не хуже... А вы как думали...

В общем, чем более Юрик счастьем победы горел, тем более Женя от всего этого в ужас приходила. Да еще и девчонки не унимались в своих убийственных по этому поводу комментариях, потихоньку подливали масла в огонь. Аленка, например, в силу своего возраста не успевшая подзабыть еще школьных уроков литературы, вдруг высказалась однажды про Юрика:

– Жека, да он же настоящий Карандышев... Точно, точно Карандышев! Помните «Бесприданницу» Островского? Ну, еще фильм хороший по этой пьесе есть... Там герой – Карандышев Юлий Капитонович, собирательный образ маленького человека... А я думаю, что эта ситуация мне напоминает?

– Да ну, скажешь тоже! – фыркнула в ее сторону Оля. – Карандышева какого-то приплела...

– Нет-нет, правда! Ой, да вы посмотрите, посмотрите на него! Он и внешне даже похож!

– Да не выдумывай ты! – снова сердито махнула на нее рукой Оля. – Никакой он тебе не Карандышев! Мужик как мужик... Добрый, хороший. И умный. Его шеф знаешь как ценит? Просто ему с женой не повезло – не любит она его совсем. Это сразу видно. Живет, а любить не любит. Пилит все время, унижает. Совсем мужика по стенке размазала. Вот вам и результат...

– Ой, а я даже слышала, что она на какой-то вечеринке оплеуху ему при всех закатила, – заговорщицки доложила Аленка, стрельнув в Женю глазами. – Что, правда, Оля?

– Ну да, было дело... – задумчиво проговорила Оля, глядя большими близорукими глазами в пространство и старательно пережевывая бутерброд с сыром. – Женьк, а он тебе на жену не жаловался, случаем, а? Ты ж говорила, он у тебя ночевать оставался... А что? Она такая! Запросто и тебя побить может за такие дела!

– Да ну тебя! Не пугай! Как это – побить? Из ревности, что ли?

– Ну почему – из ревности... От досады просто! – констатировала Оля, махнув на нее рукой. – Так что насчет Карандышева Аленка, пожалуй, и права, наверное.

– Ну а я что говорю! – радостно взвилась на стуле Аленка.

– А чему ты так радуешься-то, глупая? – осадила ее Оля. – Чего ж тут такого радостного-то? Ты хоть помнишь, чем там пьеса для бедной героини закончилась? Если судить по этим твоим дурацким аллегориям, то Женька теперь и есть эта самая героиня? Как ее... Ну, бесприданница которая...

– Лариса?

– Ну да. Лариса. Которая все любви искала, да так и не нашла.

– Да ну вас, бессовестные! – сердито отмахнулась от них Женя. – А еще подружки называются! Вместо того чтоб поддержать... И так тошно на душе, а вы...

– Да брось ты, Женька! Чего тут такого тошного-то? Ну, ошиблась, с кем не бывает! Дай ему полный отлуп, и все дела. Только учти – тут надо сразу и в лоб. Если начнешь по кусочку отрезать, завязнешь навсегда в объяснениях. На то они и Карандышевы, чтоб с ними не слишком церемониться. По-другому потому что не понимают. Как говорится, хоть и глупы, да самолюбивы очень. Или лучше это... Лучше ты ему романс прощальный спой, как бесприданница Лариса! Как там? «Он говорил мне, будь ты моею, и стану жить я, страстью сгорая»... – тут же заголосила она громким фальшивым фальцетом, закатив к потолку глаза и вытянув шею, чем рассмешила Аленку до слез. Женя тоже улыбнулась грустно, решив про себя, что Оля, как тут ни смотри, права. Да, именно так и надо. Чтоб сразу – и в лоб...

Вечером после работы Юрик снарядился было проводить ее домой. То есть довести на своей машине. Суетливо пробежал вперед, семеня худыми коленочками, распахнул перед ней дверцу, подсадил под локоток...

– Женёк, а может, в магазин за продуктами заедем? – резво повернулся он к ней, плюхаясь на свое водительское сиденье. – Давай теста купим, Женёк? Пирог испечем... Я один рецепт начинки знаю – просто ум отъешь, как вкусно! И ребятам понравится...

Женя на секунду закрыла глаза, представила сразу, как суетится по ее кухне Юрик с повязанным на пузе фартучком в розовых оборочках, как мелькает там и сям его шишечка-проплешинка, потом вдохнула в себя побольше воздуха и на выдохе сурово произнесла:

– Нет, Юрик. Никуда мы с тобой больше не поедем. И никогда не поедем. Мы сейчас поговорим, потом я выйду из машины и поеду домой на автобусе. И все. А завтра... С завтрашнего дня мы будем просто хорошими знакомыми. Как раньше. Ты прости меня, Юрик. Виновата, каюсь, я не должна была...

– Женя! Женечка, что ты! Не надо, Женечка! – вдруг кинулся он к ней, впился цепкими руками ей в плечи, даже встряхнул чуть-чуть, будто из последних, отчаянных сил. – Ради бога, молчи, Женечка! Не говори ничего такого! Я умоляю тебя, Женечка! Молчи, молчи...

Женя подняла руки, с силой попыталась отодрать его ладони от плеч. И вдруг почувствовала, как они дрожат мелко, точно в температурной больной лихорадке. И весь он дрожит. И плечи, и шея, и голова вместе с проплешинкой... Жалость на миг горячо ударила по сердцу, но давешние то ли раздражение, то ли отвращение тут же и напомнили о своем существовании, наплыли быстрой отрезвляющей и холодной волной. Беспощадной и суровой. До чего ж они злые, эти чувства – раздражение да отвращение. Где-то она читала – будто даже и собаки недостойные. А тут вот надо же, довелось к человеку испытать. Как в наказание. Господи, да за что? И вовсе они ей не нужны, эти чувства... Но что, что теперь с ними делать?

– Женечка, молчи, молчи... – продолжал тихо бормотать Юра, пока она безуспешно пыталась отодрать от себя его пальцы, – ты не поняла меня, наверное, Женечка... Я же как раз тебе сегодня все сказать хотел... Я же развестись хочу, Женечка! Я хочу с тобой, навсегда... Чтоб всегда рядом... Я о детях твоих буду заботиться! По-настоящему! Отцом им буду, Женя! Да я для тебя все, все, что могу... Только не говори больше ничего такого, Женечка! Прошу тебя!

– Юра! – сердито проговорила она, еще больше раздражаясь от его жалкого бормотания. – Послушай меня, Юра! Прости, я перед тобой очень виновата, конечно! Нельзя было повод давать! Обругай меня, если хочешь. Но только прошу – оставь меня в покое! И все! Прости, не смогу я. И давай прекратим эту историю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.